

Е. Л. Конявская

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

ТЕМА КОНЦА ЖИЗНИ В ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII в. (ПОСЛЕДНИЕ ДНИ КНЯЗЯ)¹

В статье рассмотрены летописные известия и повествования второй половины XII в., содержащие материал, касающийся представлений наших предков о конце земной жизни. Проанализированы рассказы о последних днях и похоронах Ростислава Мстиславича, Святослава Ольговича, Мстислава и Давыда Ростиславичей, Святослава Всеволодовича, Изяслава Давыдовича, Владимира Андреевича Дорогобужского.

Ключевые слова: летописание XII века, кончина князя, похороны князя

«Приложиса къ ѿцѣмъ ѿдавъ шбыщии долгъ, егоже нѣсть оубѣжати всакому роженому» — эта формула с небольшими вариациями встречается в Ипатьевской летописи, развивая краткую форму в Повести временных лет, примененную по отношению к Всеволоду Ярославичу, который «приблизиса (приложиса — *вар*) ко ѿцѣмъ своимъ». В краткой форме — «приложивъса къ ѿцѣмъ своимъ» — читается она в Киевском своде 1198 г. в Повести о преставлении отца смоленских Ростиславичей — Ростислава Мстиславича. В развернутом виде она повторяется в некрологах его сыновьям — Святославу, Роману, Мстиславу и Давыду.

Столь устойчивое формульное окончание некрологов братьев Ростиславичей, как, впрочем, повторяемость и ряда других формул в этих некрологах (см.: [Конявская, 2017б]), дает весомые основания атрибутировать их окончательное оформление одному лицу. Большинство ученых считает таким летописцем-составителем Киевского свода конца XII в. Моисея Выдубицкого, хотя высказывалось предположение, что начало этим некрологам положил архимандрит Киево-Печерского монастыря Поликарп (по крайней мере, ему приписывается создание Повести о преставлении Ростислава Мстиславича) [Лихачев, с. 231]. Так или иначе, эту формулу, следуя библейской традиции² и Повести временных лет, активно использовал в Киевском своде летописец/летописцы, принадлежавшие к духовенству. В их устах эта сентенция призвана утешить утрату, одновременно подчеркивая непереносимость телесной смерти праведников, следующих путем своих праведных родителей.

Наряду с некрологами, которые подводят итог жизненного пути князей Ростиславичей, соответствующие летописные статьи содержат рассказы о последних днях и кончине братьев и их отца Ростислава Мстиславича. Эти повествования и ряд рассказов о смерти других князей во второй половине XII в. раскрывают некоторые аспекты представлений человека того времени о конце земного существования и переходе в иной мир. Такие представления более ярко проявляют себя в повествованиях, не касающихся внезапной (в том числе насильственной) смерти правителя.

В начале 1167 г. Ростислав Мстиславич, княжащий в Киеве, едет в Новгород, чтобы наладить взаимоотношения своего сына Святослава с новгородцами. Видимо, он был уже болен и предвидел свою близкую смерть, поэтому поездка была спланирована таким образом, чтобы можно было увидеться с дочерью, посетить родной Смоленск. Так, путь его лежит через Чичерск (Черниговская земля), где его ждут, встречают и приглашают на обед его дочь и зять Олег Святославич Новгород-Северский. Как обычно, следует обмен дарами. Смоленск, где сидит старший сын Ростислава Роман, оказывает ему еще более торжественный прием. В Ипатьевской

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-04-00523.

² Библейские цари и пророки, умирая, «приложиса» к народу своему, или людям своим, или отцам.

летописи говорится, что лучшие мужи встречают его за 300 верст, затем его встречают внуки. Наконец, видимо, перед городом его встречает сам Роман, епископ Мануил, боярин Внезд и «мале не весь градъ», «велми шбрадоваша³ вси приходу его . и множество даровъ подаша ему». Он едет в Торопец и понимает, что ему уже не добраться до Новгорода, «бѣ бо оуже Ростиславъ нѣздравуа велми», и посылает к сыну Святославу, чтобы тот ехал к нему навстречу в Луки. Туда же прибывают новгородцы, и Ростислав заключает с ними «порядъ» о княжении у них Святослава, «оли са с ним см(е)ртью розлучити»³. Приняв дары от сына и новгородцев, он возвращается в Смоленск. Состояние его еще больше ухудшилось, сестра его Рогнеда, увидев «велми изнемагающа брата . и нача молитиса велачи ему лечи Смоленски . въ своемъ ему зданьи»⁴. На это требование сестры Ростислав отвечает: «не могу zde лечи повезите ма Киеву аще ма Бѣ шиметь на пути . то положите ма въ штни . блгѣньи оу сѣго Федора». Если же Бог избавит его от болезни, то он желает постричься в Киево-Печерском монастыре, о чем помыслы у него были и ранее. Оказывается, что Ростиславом эта мысль овладела с момента, когда он узнал о смерти Святослава Ольговича Черниговского, своего союзника и свата (умер в 1164 г.). По-видимому, Святослав не оставил завещания (хотя известно, что последние годы был подвержен болезням), и после его смерти в Чернигове стала развиваться интрига. Овдовевшая княгиня с тысяцким Юрием, епископом Антонием и «с мужи княза своего. с передними» решили не сообщать Святославу Всеволодичу о смерти дяди, пока в город не въедет Олег Святославич, сын умершего князя. Епископа Антония хотели избавить от целования «сѣго Сѣса»⁵, «занеже стѣль есть», но он сам вызвался идти к целованию. Целование он немедленно нарушил и послал весть к Святославу Всеволодичу, как говорит летописец: «се же створи злое преступление»⁶. Напряжения между двоюродными братьями не могло не возникнуть, но им удалось договориться о разделе владений.

Ростислав боится «напрасной» (внезапной) смерти, душа должна подготовиться к переходу в иной мир⁷. Составление завещания перед пострижением в таких ситуациях было обычной практикой, и, хотя об этом не говорится в летописи, такое завещание должно было существовать, поскольку после смерти Ростислава никаких конфликтов и проблем с замещением смоленского стола не возникло. Летописец поясняет, что ранее стремление князя принять чернеческий постриг не преодолело его же осознания княжеского долга: «пережду и ѣще мало время . суть ми шрудьца»⁸.

Смерть застигла Ростислава в дороге в селе Зарубе, принадлежащем его сестре Рогнеде. Почувствовав приближение кончины, он попросил бояр Иванка Фроловича и покладника Бориса Захарыча позвать попа Симеона, его духовника. Князь умирает с молитвой на устах перед иконами Богородицы и Спаса, утирая убрисцем слезы покаяния. Он был похоронен, как и желал, в Киеве «оу сѣго Фешдора въ штни ему монастыри»⁹.

Наряду с похвалами-некрологами в Ипатьевской летописи читаются рассказы о последних днях, оплакивании и погребении братьев Ростиславичей — Мстислава, Романа и Давыда (о смерти Святослава имеется лишь краткое сообщение и некролог).

Мстислав умирает в Новгороде из-за болезни: «и оуда и болезнь крѣпка . и шхоудѣвающи силѣ . и штоимающи азыкъ». Видимо, все же речь не совсем покинула князя, поскольку далее

³ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 528.

⁴ Там же. Стб. 529.

⁵ В данном случае имело место не крестоцелование, а целование иконы Спаса в кафедральном Преображенском соборе.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522–523.

⁷ Особые строфы о спасении от огня, меча и напрасной смерти были во многих молитвах (сохраняются и сегодня) — к Николаю угоднику, архангелу Михаилу, святой Варваре, ангелу-хранителю и др.

⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 531.

⁹ Там же. Стб. 532.

говорится, что он в присутствии княгини своей и дружины провозглашает завещание: сына Владимира поручает боярину Борису Захарычу, верно служившему, как видно из рассмотренного выше рассказа о кончине Ростислава, еще его отцу (см. об этом: [Стефанович, с. 254–255]), и добавляет: «и съ симъ . даю братоу Рюрикови и Дѣдвѣ . с волостью на роуцѣ». Видимо, он отдал распоряжения и о других сыновьях, поскольку далее сообщается, что он приказал «дѣти свои братьѣ своѣи». В повествовании говорится, что он умирает сразу после этих последних распоряжений, «воздѣвъ роуцѣ на ѣбо . и воздхнуувъ из лубины срѣца . прослезивса . и предасть дѣю свою . в роуцѣ Бжѣи»¹⁰.

В формуле об «общем долге», отмеченной выше, сконцентрированы разные смыслы и ассоциации. Здесь присутствует мотив не конца, а перехода в иное, и в нем, этом инобытии, ушедший из земной жизни оказывается не одиноким, а со своими предками. Вместе с тем формула подчеркивает неизбежность смерти и в этом смысле равенство всех перед Богом. Эти идеи, заключенные в формуле, примиряют с кончиной, включая частное событие преставления князя в картину общего божественного мироустройства.

Мысль о неизбежности смерти звучит и в рассказе о Мстиславе. Но речь идет о другой смерти — не после длительной болезни или в преклонных годах, когда человек может пройти путь подготовки к уходу из этого мира. Он говорит о смерти героической — во вдохновляющей речи перед дружиной: «аще нынѣ оумремъ . за хрѣтыанѣ . то шчистивса грѣховъ свои^х . и Бѣ вмѣнить кровь нашу с мѣнкы . аже ли Бѣ дасть млѣть свою . а слава Бѣу . мы бо аще [не] нынѣ оумремъ . оумрем же всако . и тако молва дѣрзость . подаваше во емъ свои^м»¹¹. Это не мирная кончина, а гибель на поле боя «за христиань».

Давыд Ростиславич, княживший в Смоленске после смерти старшего брата Романа, успел сделать перед кончиной все желаемое: отдал распоряжения, постригся в монахи (вслед за ним приняла пострижение и его супруга) и умер с молитвой на устах (в 1197 г.). Видимо, монашество он принял уже тяжело больным, поскольку после информации о том, что «столеъ свои даль сѣовѣцю своемуу . Мѣстиславоу Романовичю . а сѣа своего Костантина в Роусь посла братоу своемуу Рюрикови на роуцѣ»¹², говорится: «а самого несоша . больна соуца . в монастырь . къ сѣома мѣнѣкоу . Борисуу и Глѣбоу на Смадыноу». В его уста летописец Ростиславичей вложил ту же последнюю молитву, которая уже входила в предсмертные монологи Игоря Ольговича и Андрея Боголюбского. Почувствовав себя «хоудь изнемогаа . ко исходуу дѣи»¹³, Давыд, благодаря Бога, предает Ему свою душу.

Но такого рода рассказы о последних днях и кончине князей для ранних летописей отнюдь не являются общим правилом. Зачастую рассказ или сообщение о преставлении князя представляет лишь внешнюю сторону событий, душевные переживания умирающего оказываются от нас скрыты.

Так, сообщение о кончине Всеволода Святославича (Трубчевского) под 6704 г. содержит информацию лишь о похоронах князя, а также некрологическую похвалу ему.

Вышеупомянутая статья о Святославе Ольговиче подробно рассказывает только о коллизии после смерти черниговского правителя. Правда, начало рассказа в Ипатьевской летописи (во всех списках) не сохранилось¹⁴, но, судя по тому, что о его смерти несколько раз сообщается далее (Олег едет в Чернигов, не зная, что не застанет отца в живых: «таиша бо смрѣть его за . г

¹⁰ Там же. Стб. 609.

¹¹ Там же. Стб. 611.

¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 704–705. См. об этом: [Конявская, 2017а].

¹³ Там же. Стб. 705.

¹⁴ Рассказ обнаруживается только в Ипатьевской летописи, в более поздних сводах читается лишь небольшой его фрагмент.

. дни до Гдлова приѣзда»¹⁵; в конце рассказа приводятся дата смерти князя и дата положения в гроб), в утраченном начале статьи не рассказывалось о его преставлении.

Подробно описаны последние дни киевского князя Святослава Всеволодовича (умер в июле 1194 г.). Мы узнаем, что Святослав получил некую травму ног, так что ехал летом на санях, состояние его ухудшалось. Он приехал в Вышгород, чтобы поклониться святым страстотерпцам Борису и Глебу, и хотел также посетить гробницу отца, но, не дождавшись слугителя с ключом, уехал. В течение двух дней состояние Святослава резко ухудшилось. Его княгиня Мария Васильковна сидела у ложа князя, которого оставляли силы. «Возбноувъ», плохо слушающимся уже языком тот спросил, когда настанет праздник святых Маккавеев (1 августа), и, узнав, что через неделю, произнес: «ш не дождочю ти ꙗ того»¹⁶. Летописец поясняет, что на Маккавеев умер много лет назад его отец¹⁷. Княгиня думает, что князю приснился какой-то сон (быть может, покойный отец?), просит рассказать, но князь молчит. Затем Святослав просит о пострижении в чернецы, принимает постриг и вскоре умирает. Хотя после рассказа о его последних днях следует некрологическая похвала князю, его переживания, внутренняя подготовка к последнему пути не отражены в тексте статьи. Все происходящее с ним представлено «со стороны» — можно думать, так, как виделось его супруге Марии Васильковне, со слов которой, думается, и был приведен ряд подробностей в рассказе о рассматриваемых событиях¹⁸.

Есть рассказы о смерти князей, где трактовка позиции летописца может оказаться неоднозначной.

Один из них — рассказ о гибели Изяслава Давыдовича. Чтобы правильно оценить его содержание, необходим текстологический анализ данного летописного сюжета.

Разбирая южнорусские источники Московского свода конца XV в. (анализируя Уваровский и Эрмитажный списки свода), А. Н. Насонов выявил ряд текстов, которые имеются в последнем, но не читаются в Ипатьевской летописи (во всех ее списках) [Насонов, с. 288—292]. В частности, это известный эпизод гибели после смертельного ранения на поле боя Изяслава Давыдовича, который в Ипатьевской летописи представлен следующим образом: «ѧша же тогда . и Шварана. и Милѧтича вба . Степена . и Якуна . и Нажира Переуславича . Изяслава же постигоша къ взерамѣ. въѣздача. въ борокъ и постиже и . Воиборъ Генечевичъ. и съче по главѣ саблюю. а другыи. боде и въ стегно въдымъ ѣ. и ту летѣ с коня . и возьмъ ѣ Мъстиславъ лѣ жива. посла в манастырь. къ с^{то} Семену еже есть. в Копыревѣ конци . оубьень же бы^с Изяславъ . м^сца марта въ 5 днѣ . и ѡтолъ послаша и Чернигову. Стославъ же спратавъ тѣло его съ слезами . и положиша тѣло его въ втни . ему цркви оу стюю мѣку Бориса и Глѣба . м^сца марта . г^и . днѣ же бѣ тогда понедѣльникъ»²⁰.

В Московском своде (а соответственно, и в Воскресенской летописи, где обнаруживаются лишь немногочисленные стилистические отличия) рассказ гораздо обширнее: «Яша же тогда и Шварна. и Милѧтича вба, Стѣпана и Якуна, и Нажира Переславича, то бо бѣху бояре Изяслави, а самого Изяслава постигоша къ Озерам вои въѣздяща въ боръ. Постиже же и Воиборъ Генечевичъ и съче его по главѣ саблюю, а другыи боиде и в стегно и вдыми е, и ту паде летѣ с коня; еще же ему живу суцу, приѣхаста над онь Ростиславъ и Мъстиславъ, и нача над нимъ плакатися Ростиславъ, река: “брате Изяславъ, се ли ти уже досыти, мало ти было волость

¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522.

¹⁶ Там же. Стб. 680.

¹⁷ О «календарном» аспекте этого рассказа см.: [Литвина, Успенский]. В частности, ими показано, что указание летописцем даты смерти отца Святослава не совсем точно. Зато дед его действительно умер 1 августа.

¹⁸ А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский полагают, что смысл общения Святослава с супругой — догадка летописца [Литвина, Успенский, с. 150—151].

¹⁹ Так в летописи, в X стому

²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 518.

Черниговъскаа, оже мя еси ис Кыева выгнал, и того ти не досыти, но и из Бѣлагорода хотѣл мя еси выгнати”. Он же, лежавъ, спроси “воды, воды пити”. И повѣлеста ему дати вина. Онъ же, испивъ, и ту абие предасть духъ. И повѣлеша Ростиславъ и Мѣстиславъ взяти тѣло его и нести в монастырь къ святому Симиону, иже есть в Копыревѣ конци, и оттуль послаша и къ Чернигову. Святославъ же спрятавъ тѣло его со слезами и положи е въ отчинѣ его въ церкви святою мученику Бориса и Глѣба»²¹.

Очевидно, что текст Ипатьевской летописи претерпел редактуру. Дата убийства Изяслава выглядит явной вставкой, нарушая последовательность рассказа и даже противоречит ему: князю были нанесены смертельные ранения, но он не был убит. Если следовать логике повествования Ипатьевской летописи, получается, что Мстислав Изяславич отправляет в монастырь не тело умершего, а умирающего Изяслава — «еле жива», при этом говорится, что он был «убиен» 6 марта 1161 г. Рассказ Московского свода подробен и лишен противоречий, в том числе и грамматических: там, где речь идет о действиях двух князей — Мстислава и Ростислава, употреблено двойственное число глагола «повѣлеста».

Отсутствующий в Ипатьевской летописи текст с теми или иными исключениями присутствует во многих летописях XV—XVI в. Во Владимирском летописце читается рассказ, наиболее близкий к Московскому своду и Воскресенской летописи, но в нем отсутствует информация о том, как именно был ранен Изяслав²². Остальные летописи с точки зрения передачи этого сюжета могут быть разделены на две группы. Ермолинская летопись, Свод 1497 г. и Уваровская летопись, Тверской сборник, Львовская летопись не передают слов Ростислава и не сообщают о том, что первоначально тело князя отправляют в Симеоновский монастырь²³. В летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду, нет подробностей о ранении Изяслава черными клубуками, а повествование обрывается после слов Ростислава²⁴. Такой разброс вариантов рассказа представителей различных летописных семей с точки зрения сегодняшнего знания о генеалогии летописных сводов может говорить о безусловно раннем источнике, содержащем рассказ. В летописях мог использоваться южнорусский источник, отличавшийся от того, который имелся в распоряжении редактора-составителя Киевского свода 1198 г. Вместе с тем изменения могли вноситься и самим этим редактором-составителем.

Было ли в этом рассказе что-то, что не устроило «прорюковского» летописца? Ростислав, который, безусловно, предстает главной фигурой событий, действительно не удержался от упрека умирающему. Но при этом именно Ростислав плачет над ним, а упрек звучит горестно. Такое построение рассказа в Ипатьевской летописи, видимо, объясняется тем, что вторая половина его, начиная с даты убийства, взята сводчиком из другого источника — черниговского. Характерно, что в Ипатьевской летописи не говорится о дальнейших действиях Ростислава и Мстислава. Московский свод, Воскресенская летопись и летописи первой группы сообщают далее, что Ростислав сел в Киеве, а Мстислав отправился в свой Владимир Вольнский. В Ипатьевской летописи только через три известия читается информация о том, что Мстислав поехал из Киева, поскольку поссорился с дядей (Ростиславом). Это означает, что вначале они вместе вернулись в Киев, о чем не было сказано ни слова (во второй группе летописей говорится, что Мстислав *посади* Ростислава в Киеве, то есть он, очевидно, участвовал в церемонии интронизации стряя). Характерно, что известие о гибели князя Изяслава не сопровождается некрологической ему похвалой, но и явного осуждения погибшего в известии нет. Хотя примеры такого осуждения нечасто, но встречаются. Таково, например, сообщение о смерти Владимира Мстиславича

²¹ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 71.

²² ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 69.

²³ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 45; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 35, 191; СПб., 1863. Т. 15. Стб. 233; СПб., 1910. Т. 20. С. 122.

²⁴ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 159; СПб., 2002. Т. 42. С. 103; М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 232.

(Мачешича), умершего в 1171 г.: «Володимѣру бы^с боѣзнь²⁵ крѣпка. еюже сконьчася. мѣца маиу въ . л. прѣставися русальноѣ недѣлѣ . в недѣлю. и положиша тѣло его . въ стѣмь Федорѣ. въ отни . ему монамастырь²⁶. и бы^с сѣдѣнья его всего Києвѣ . д . мѣцѣ . се же много подѣу . бѣды бѣгау. передо Мѣстиславомъ. ово в Галечь. ово Оутрѣ ово в Рязань. ово . в Половцихъ . за свою вину. занеже не оустоуше въ крѣтномъ . цѣлованьи всегда же и то гонаше»²⁷. Отмечается, что Мстислав претерпел беды, но — «за свою вину».

Еще сложнее интерпретировать рассказ о перипетиях похорон Владимира Андреевича Дорогобужского. Он умер 28 января 1170 г. Это было время постоянно вспыхивающих военных конфликтов союзников Андрея Боголюбского с Мстиславом Изяславичем, который лишился Киева в 1169 г., но в начале 1170 г. смог на некоторое время занять киевский стол. Когда Мстислав пошел на Владимира Андреевича (как на одного из участников похода 1169 г. на Киев) к Дорогобужу, последний был уже болен («бѣ велми негома . тѣм же и полку имѣ не да болезни дѣла»²⁸), но осаду Дорогобуж выдержал.

Летописец сообщает, что умершего Владимира Андреевича вдова повезла хоронить в Киев, остановившись в Вышгороде, куда Глеб Юрьевич послал за усопшим игумена Поликарпа (Киево-Печерского монастыря) и игумена Симеона (Андреевского монастыря). Однако далее рассказывается, что в Дорогобуж обманом заявился Владимир Мстиславич, который заверил не пускавшую его сначала в город дружину, что он не сделает зла никому, не покусится на владения вдовы. Но как только он вошел в град, он нарушил крестное целование, что было ему свойственно (вспомним посмертную характеристику князя²⁹). Он «погна» княгиню «и оуклонися на имѣние и на села . и на стада». В Вышгороде княгиня столкнулась с новой проблемой: княжащий там Давыд Ростиславич не пускает ее из города, так как узнал, что Мстислав Изяславич с союзниками движется к Киеву: «ре^т ей како та могу ятры пустити . а пришла ми вѣсть ночьюс же Мѣстиславѣ въ Василевѣ». Он предложил, чтобы кто-то (кто на это готов) из дружины Владимира сопроводил тело. Но дорогобужская дружина не согласна идти в Киев: «кнѣже ты самѣ вѣдаеши что есмы издѣули Кианомъ . а не можемъ ѣхати избѣють ны»³⁰. Поликарп просит «неколико» из дружины Давыда, так как некому ни коня довести, ни стяг нести. На что Давыд и произносит знаменательные слова: «того стагъ и чѣть съ дшѣю . ищѣла»³¹, но дает игуменам в сопровождение попов из Борисоглебской церкви.

Как расценить слова Давыда, учитывая, что он был союзником Владимира Андреевича и действует в интересах его вдовы (не пускает ее в опасный путь)? Как бы афористично ни звучала эта фраза, у нас нет оснований считать, что подобное высказывание было в порядке вещей. «Честь», «честно» звучит по отношению к погребаемым очень часто, в том числе есть такие слова и в известиях о смерти и похоронах братьев Давыда. О погребении Святослава Ростиславича (умер в 1170 г.) говорится: «и спратавше тѣло его везоша Смоленску . и положиша тѣло его с честью . оу стѣи Бѣи въ епискупѣ»³²; о похоронах Мстислава Ростиславича: «и тако спратавше тѣло его . съ чѣтью и съ блгохвалными пѣ^сми... полложиша³³ тѣло его в той же гробници . идеже лежит Володимерѣ снѣ великаго княза Ярославя . Володимѣрича»³⁴. Что же касается стяга, то

²⁵ Так в рукописи, в X и II болезнь

²⁶ Так в рукописи

²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 567.

²⁸ Там же. Стб. 545.

²⁹ Здесь летописец также отмечает неприглядную особенность натуры Мачешича: «такъ бо баше къ всеи братьи свои верьливъ. не оуправливаше к нимъ хрѣтного цѣлованиу» (Там же. Стб. 546).

³⁰ Там же. Стб. 547.

³¹ Там же. Стб. 548.

³² Там же. Стб. 550.

³³ Так в рукописи

³⁴ Там же. Стб. 609–610.

обычное присутствие его в такой процессии очевидно как из слов Поликарпа, так и из описания похорон Андрея Боголюбского. Именно вид выдвигающегося к городу княжеского стяга, с которым при жизни князь входил в город после славных побед, вызвал у народа сильнейший эмоциональный отклик: «и поча выступати стагъ ѿ Бѣлюбого . и людье не могоша са ни мало оудержати . но вси вопѣхуть». Далее следует текст, содержащий почти дословно совпадающую формулу о захоронении тела усопшего «с чстью», что и при описании похорон брата Давыда Мстислава Ростиславича: и «съ чстью и с писньми блгохвалными положиша его оу чудноѣ хвалы достойно оу стѣѣ Бѣѣ . Златоверхои . юже бѣ самъ создалъ»³⁵. Таким образом, очевидно, что тот порядок, по словам П. П. Толочко, бывший «торжественным действием» [Толочко, с. 115] (ведение коня, стяг) был общепринятым для перенесения останков князя к месту захоронения. И, видимо, обязательным компонентом процессии были именно высокие духовные лица. Для сравнения можно вспомнить события 1168 г., когда во время военного похода на половцев умер Ярополк Изяславич. Мстислав Изяславич тогда посылает «къ игумену Поликарпови и къ Данилови попови своему . вела има ѣхати къ брату Ярополку река има тако . аще ва Бѣ поиметь брата моеѣ да спратавше тѣло его . везите же къ стѣму Февдору»³⁶.

Фразу же Давыда нужно воспринимать как слова, сказанные вопреки общепринятому. Давыд Ростиславич, как можно судить о нем по летописной информации, был весьма независим при принятии решений, пренебрегая зачастую мнением других князей и общепринятыми моделями поведения. Еще в 1161 г. он в период вражды отца с Мстиславом Изяславичем «безъ шна повеления . ѣха въ Торцьскыи а посадника Мѣстислава Вѣшка. емъ»³⁷ и привел в Киев. Можно полагать, он отстаивал интересы Рюрика, которого, видимо, отец незадолго до этого посадил в Торческе [Конявская, 2017а]. Через год мир между дядей и племянником был восстановлен и Ростислав «възворотил» Торческ Мстиславу.

В 1169 г., получив информацию от бояр Петра и Нестора Бориславичей (которых Давыд называет своими «приятелями») о том, что Мстислав замышляет его и Рюрика «яти», Давыд рассказывает об этом брату, и они требуют от Мстислава целовать к ним крест в том, что он не замышляет против них плохого. Мстислав в ответ требует выдать ему клеветников. На это Давыд отвечает отказом и дает этому откровенное объяснение, не стремясь сформулировать свой отказ более деликатно и благочестиво: «а пакы ми кто повѣсть вже тѣхъ выдамъ»³⁸.

Характерно, что именно Давыд в Лаврентьевской летописи представлен основной фигурой в захвате Киева после изгнания Андреем Боголюбским с киевского стола Романа и вокняжения там Всеволода: «в то же лѣтѣ непокоршимса Ростиславичемъ князю Андрѣю. и в воли его не ходащи. паче же Дѣдѣ Ростиславичѣ . Вѣшегородскыи князь. здумавъ с братьею своею. приѣхавъ ноци противу свѣту г Кѣеву. ѡтъ брата князя Андрѣю Всеволода. и Ростиславича Ярополка»³⁹. и дружину ихъ. **В** то же лѣтѣ. слышавъ князь Андрѣи. ѡта брата своѣ. Дѣдомъ Ростиславичемъ . и братьею его...»⁴⁰. Этот смелый и нестандартный шаг в Ипатьевской летописи приписывается в целом Ростиславичам.

Весьма необычным было и вокняжение Давыда в Смоленске. Рюрик, занявший киевский стол в 1180 г., посылает Давыда в Смоленск к Роману за поддержкой. В дороге Давыд узнает, что Роман умер. Въехав в стольный город, он садится «на столѣ дѣда своего шѣа своего». И в ближайшее время, как можно понять, в Киев не возвращается.

³⁵ Там же. Стб. 593.

³⁶ Там же. Стб. 539.

³⁷ Там же. Стб. 519.

³⁸ Там же. Стб. 543.

³⁹ Так в рукописи

⁴⁰ ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. Стб. 365.

Решительно и прагматично, без апелляции к высоким материям (а такие апелляции были свойственны княжеским речам в подобных ситуациях) звучит позиция Давыда в 1196 г. на обсуждении возможности заключения сепаратного мира со стороны Всеволода Большое Гнездо, Давыда и рязанских князей с Ярославом Черниговским. Он категорически против заключения мира без участия его брата Рюрика, напоминая Всеволоду: «како еси бълъ оумовиль . с братомъ своимъ Рюрикомъ . и со мною . аже совокоупитиса. оу Чернигова всимъ. да любо быхомъ оумирилиса вси на всей волѣ своеи . Ты же нынѣ ни моужа своего еси. послалъ ко братоу своему Рюрикови . и ни своего прихода повѣдаеши емоу ни моего . а оумови с нимъ . моужемъ своимъ а переже весны dospѣвъ сѣдѣти и воеватиса (с нимъ) со Шлгови . а вѣсти ѿ тебе ждати правоѣ. шны же нынѣ воюетьса. с ними и волость свою зажегль тебе дѣла а нынѣ безъ его доумы хочемъ миритиса . а брате повѣдаю ти сего ти мира zde не оулюбить . братъ мой Рюрикъ»⁴¹.

Эти примеры показывают, что Давыду были свойственны прагматичный подход и прямота высказываний. Так, свободный от условностей этикетных речей, он произносит слова, которые могли шокировать, но на самом деле подчеркивали его убеждение, что оберегать живых важнее, чем мертвое тело, которое уже покинуто бессмертной душой.

Литература

- Конявская Е. Л. Смоленские Ростиславичи и их владения в раннем летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 56 [Конявская, 2017a]
- Конявская Е. Л. Некрологи Ростиславичам в Ипатьевской летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 4 (70). С. 85–92 [Конявская, 2017б]
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Время жить и время умирать // Траектории традиций. Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М., 2010. С. 138–151.
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-исторического значение. М.; Л., 1947.
- Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.
- Стефанович П. С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: очерк политического строя. М., 2008. С. 148–269.
- Толочко П. П. Русские летописи и летописцы. СПб., 2003.

Elena L. Konyavskaya

Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE SUBJECT OF THE LIFETIME ENDING IN THE RUSSIAN CHRONICLES OF THE SECOND HALF OF THE 12th CENTUARY (THE LAST DAYS OF THE PRINCE)

The article brings to light the chronicles information and narrations of the second half of the 12th century concerning the idea of the lifetime ending. The last days and funeral of Rostislav Mstislavich, Svyatoslav Ol'govich, Mstislav and Davyd Rostislavichy, Svyatoslav Vsevolodovich, Izyaslav Davydovich, Vladimir Andreevich Dorogobuzhskii are studied.

Keywords: chronicles of the 12th century, prince's death, prince's funeral

---

⁴¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 699.

